

МИТРОПОЛИТ ИОАНН (СНЫЧЁВ)

СТОЯНИЕ В ВЕРЕ

Иоанн (Снычѣв)

Стояние в вере

Серия «За Русь Православную»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18118337
Стояние в вере: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0530-6*

Аннотация

«Русь Святая, храни веру православную, в ней же тебе утверждение», – проповедовал недавний наш современник – великий православный мыслитель и богослов митрополит Ладожский и Санкт-Петербургский Иоанн (Снычѣв) (1927–1995), признанный лидер православно-патриотических сил России, автор выдающихся очерков русского самосознания «Самодержавие духа». Настоящая книга святителя – о расколах в Русской Православной Церкви 20-30-х годов прошлого столетия и их угрозе православию как оплоту русского духа. Анализируя причины церковных смут и нестроений после смерти патриарха Тихона, Владыка Иоанн обращается к событиям многодесятилетней давности в надежде, что они послужат уроком и помогут оградить православие от нашествия «разделяющих и властвующих». Ибо только стоянием в вере сохранится православная Россия и духовное единство. Этот труд архипастыря

особенно актуален сегодня, когда наши святыни и церковь подвергаются осквернениям, новым испытаниям и нападкам.

Содержание

Разве разделился Христос?	6
Поражу пастыря, и рассеются овцы	18
Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых	31
1. История возникновения раскола	31
2. Создание ВВЦС	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

МИТРОПОЛИТ
Иоанн (Снычѣв)
Стояние в вере

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

Разве разделился Христос?

Вместо предисловия

Прежде, чем ты, боголюбивый читатель, прочтешь эту книгу, я хочу сказать, что события, описанные в ней, до сих пор не потеряли своей назидательности и злободневности. «Еще и ныне горька речь моя» (Иов. 23:2). Бес раздора и внутреннего мятежа упорен и неутомим, а падшее человеческое естество легко склоняется к внушениям страсти: расколы и разделения испокон веков служили и всегда будут служить врагу рода человеческого верным орудием против благочестивых христиан, жаждущих спасения...

Анализируя причины церковных смут, пытаюсь понять тайные пружины нестроений, терзающих православный люд, необходимо прежде всего уяснить, что корень всяческих бед человеческих – гордыня и ее производные: тщеславие, своеволие, сребролюбие, любоначалие, гнев... «От высокомерия происходит раздор», – говорит Священное Писание (Притч. 13:10), «Надменный разжигает ссору» (Притч. 28:25), «Беззакония ваши произвели разделение» (Ис. 59:2).

Как высший дар, как искру благодатного богоподобия даровал нам Господь свободную волю, потому что истинная Любовь не терпит насилия. Но – увы! – история человечества свидетельствует, что гораздо охотнее мы сослагаем свою

волю с лукавыми помыслами и страстными вожделениями. Отвергая благое иго Закона Божия, стремясь устроить свое бытие в соответствии с собственным разумением, человек незаметно для себя начинает действовать по вражескому наущению, удаляясь от Господа, Бога мира и милосердия, приближаясь к бездонной и мрачной пропасти вечной гибели.

Здесь – в грешном, мятущемся человеческом сердце – первопричина всех и всяческих расколов и смут.

Вспомним печальную историю грехопадения. Возгордившись могуществом и властью, ниспал во ад сатана, сохватив за собой бесчисленные сонмы небожителей. Се – первый и главный раскол с момента творения и даже до сего дня. С того мгновения и доныне диавол, сатана, супротивник Божий остается первоисточником всех дальнейших разделений и мятежей.

Адам, не послушавший голоса Истины и вкусивший по вражьему наущению запретный плод, был изгнан от лица Господня. Каков же первый горький результат его падения? Разделение и раскол!

Святые отцы учат, что, пребывая в раю, первозданный человек содержал все силы своего естества, все его составляющие: дух, душу и тело – в гармонии и в соборном, благодатном единстве. Теперь же дух, ведавший Бога и в Нем Одном находивший покой, обретавший полноту чистого, безгрешного бытия, оказался поработленным душевными страстями и телесными похотями. Душа, до того момента совокупляв-

шая все силы свои – мысли, чувства и желания – в стремлении к блаженному Богопознанию, утратила сие единство, предоставив уму блуждать в бесплодных, а зачастую грешных и богопротивных помыслах, чувству – коснеть в страстях гнева, тщеславия и им подобных, желаниям – увлекать волю к разрушительному сладострастию.

Внутренний раскол соответствующим образом явил себя и вовне. Первые же сыновья Адама разделились в своем выборе смысла жизни. Движимый завистью, возникшей на основании такого разделения, Каин убил Авеля, и не только не раскаялся, но даже не ужаснулся содеянному, за что и был осужден Божественным судом на вечное изгнание.

С каждым поколением потомков Адама губительная гордость все сильнее и сильнее полоняла человеческие сердца, разделяя их с Богом – единственным источником справедливости и добра, милосердия и сострадания. Так продолжалось до тех пор, пока нечестие не достигло крайнего предела и благодать Духа Святого не отступила от нечестивцев, не желая пребывать «в человецех сих, зане суть плоть» (Быт. 6:3). Велением Божиим даже стихии ополчились на людей, уничтожив развратившееся человечество в водах всемирного потопа.

Но разве образумился человек? Разве перестал искать «своей» истины вне Бога, коснея в мятежном, разделенном своем бытии – равно в жизни внутренней, душевной, и внешней, общежительной? Первое же поколение детей благоче-

стивого Ноя, единственного праведника, спасшегося, благодаря благочестию, от потопных вод, разделилось в своем выборе. И разделение это продолжается до сих пор, затрагивая все области человеческой жизни без изъятия, ибо диавол, по словам Господа Иисуса Христа, задался целью «прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24:24).

Сатана сумел внушить богопротивные мысли даже ученику Христову – Иуде; он исхитрился соблазнить, пусть и на малое время, всех остальных апостолов – в ту страшную ночь, когда их Учителя увели из Гефсиманского сада на несправедливый суд старейшин израилевых. Так нам ли, грешным, удивляться, что раздоры, распри, расколы и смуты легко получают доступ в наши горделивые сердца?!

Но страшнее всяких иных разделений смуты церковные, ибо с каждым отпадением части членов Церкви, склонившихся на человеческие мудрствования, все меньше и меньше остается спасающихся. Ибо только в Церкви, сохранившей неповрежденным учение Христово, проповедь апостольскую и правила семи Вселенских Соборов, возможно спасение.

Потому-то враг рода человеческого прилагает все старания, чтобы разрушить соборное, спасительное единство Церкви Христовой. Едва лишь апостолы распространили слово Божественной Истины по разным народам и странам, едва лишь первые христиане собрались под покровом церковной благодати, бес мятежа и раздора породил разделения

даже среди этих избранников Божиих.

«Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, – взывал к неразумным апостол Павел, – чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы соединены были в одном духе и в одних мыслях. Ибо... сделалось мне известным, братия мои, что между вами есть споры. Я понимаю то, что у вас говорят: «я Павлов», «я Аполлосов», «я Кифин», «а я Христов». Разве разделился Христос?» (1 Кор. 1:10–13).

Но гордыня человеческая, подстрекаемая вражией лестью, продолжала порождать свойственные ей злые плоды. Ереси и расколы из века в век терзали Церковь. Безумные ересиархи и расколоучители дерзали присваивать себе право на Истину, раздирая тело Церкви, как некогда сребролюбивые стражники раздирали у подножия Креста ризы распятого Сына Божия.

В начале XI столетия по Рождестве Христовом этот процесс завершился страшным несчастьем – от полноты православного вероучения отпала Западная Церковь, увлеченная в ересь гордыней и высокомерием римских первосвященников. Через несколько веков католицизм, лишенный полноты благодати, подвергся новому расколу, породив протестантизм, давший затем жизнь бесчисленным лжехристианским сектам...

Увы нам! Ныне губительные плоды этих разделений видны повсюду. Дерзостно и нагло, как никогда ранее, лжеименный

человеческий разум претендует на самоценность, на некое высшее знание и значение, бросая вызов Богу, бесстрашно попирая Закон Божий, отвергая Крестную Жертву Христову. Большая часть человечества отвергает Единую Соборную Апостольскую Церковь, которую «нашего ради спасения» оставил на земле Сам Христос и которую до скончания века не одолеют, согласно Его обетованию, врата адавы. В этом страшном море всеобщей апостасии малым островком спасения еще удерживается Православная Россия, недавно освободившаяся милостью Божией от многодесятилетнего богоборческого пленения.

Святая Русь испокон веков удерживала рвущееся в мир сатанинское зло, и врагу рода человеческого нелегко пришлось в борьбе с Православием, обретшим надежную защиту в лице могучей российской государственности. За девять столетий с момента крещения Руси ни козни иноземцев, ни внутренние гражданские смуты, ни ересь жидовствующих, ни старообрядческий раскол не смогли поколебать административного единства Русской Церкви, не сумели замути́ть чистоту спасительного вероучения, содержащегося в ее благодатных недрах.

Однако того, чего не добились ненавистники России силой, враг рода человеческого достиг коварством, ложью и лести́ю. Мало-помалу начал набирать силу процесс «расцерковления» русского общества, достигший к началу XX столетия ужасающих размеров. Увлеченная материалистически-

ми, богоборческими теориями, занесенными к нам с Запада, русская интеллигенция объявила Православию настоящую войну. Соборное единство России было разрушено, общество раскололось по классовым, национальным, сословным и религиозным признакам.

Казалось, час торжества темных сил настал, когда могучий колосс Православной Державы рухнул, подточенный зловредными микробами богоборческой (полуатеистической, полуиудейской) заразы. От земли был отъят «Удерживающий» – Русский Православный Царь, и реки мученической крови обагрили Святую Русь...

Кровавая братоубийственная смута стала естественным результатом утери национально-религиозного единства. Придя к власти на волне этого мятежа, христоненавистники первым делом решили покончить с Православием, прекрасно понимая, что до тех пор, пока жива Русская Церковь, их победа не может быть окончательной, ибо сохраняется возможность возрождения Российской Державы во всем блеске ее государственного могущества и духовного величия.

Но даже самые жестокие антихристианские гонения не в состоянии исторгнуть святыни Православия из верующих сердец. Сознывая это, новые хозяева России присовокупили к внешним жестокостям и государственным репрессиям активную деятельность по разрушению внутрицерковного единства, всемерно поощряя разделения и расколы, пы-

таясь лишить Церковь правильного управления, раздробить ее на враждующие между собой группировки и секты.

Последствия такой подрывной деятельности мы ощущаем на себе до сих пор. Вот почему особую злободневность обретают вопросы, связанные с историей церковных расколов в России в 20–30-х годах XX века. Не определив своего отношения к этому сложнейшему периоду русской церковной истории, не изжив соблазнов, внесенных в православное сознание церковными нестроениями «советского периода», не преодолев искушений, порожденных противоречиями и драматическими хитросплетениями церковной политики тех лет, – мы не сможем двинуться вперед, не сумеем возродить Святую Русь.

Первая попытка богоборцев внести в Церковь смуту связана с так называемым «обновленческим» движением.

Воспользовавшись революционными потрясениями, сокрушившими Российскую Империю и упразднившими русскую государственную власть, открыто провозглашавшую своей важнейшей задачей поддержку Православной Церкви, часть «свободомыслящего» духовенства предприняла попытку захватить в свои руки высшее церковное управление. Прикрываясь лозунгами «обновления» и «демократизации» внутрицерковной жизни, опираясь на активное содействие масонского Временного Правительства, обновленцы пытались внести в церковный обиход недопустимые новшества в духе западноевропейского либерализма и протестантизма.

На какое-то время им даже удалось обмануть часть верующих, увлекая людей за собой искусной демагогией и потакиванием человеческим слабостям. Но их предложения по переустройству церковной жизни были столь очевидно «революционны», антиправославны и еретичны (женатый епископат, например, выборность духовенства, отрицание власти Патриарха, искажение богослужебных текстов и т. п. «улучшения»), что, невзирая на поддержку властей и активную пропагандистскую кампанию, обновленческое движение скоро захлебнулось.

Даже сегодня, несмотря на упорные попытки некоторой части модернистски настроенного духовенства и «демократической интеллигенции» возродить обновленчество как идейное течение в Русской Православной Церкви, воспоминания о нем столь свежи и столь отталкивающие, что успеха неообновленцы не имеют. Подавляющая часть православной паствы, помня незаконные попытки модернистов узурпировать церковную власть и разрушить соборное единство Церкви, отвергает их недвусмысленно и категорично. (Впрочем, ни по времени своего возникновения, ни по характеру, ни по своим последствиям обновленчество под тему нашего исследования не попадает и в этой книге подробно не рассматривается).

Гораздо более важным для современного православного сознания является беспристрастное и всестороннее рассмотрение церковных нестроений и смут, связанных с оппози-

цией так называемому «сергианству», то есть, с неприятием церковной политики, проводившейся Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским), фактически возглавлявшим Церковь в период самых ожесточенных антиправославных гонений.

Важность, необходимость и особенная злободневность такого анализа объясняется прежде всего тем, что, в отличие от обновленчества, «сергианство» до сих пор вызывает значительные расхождения в оценках даже среди безусловно благонамеренной и патриотически настроенной части православной общественности. Сама личность митрополита Сергия и избранный им курс в области церковно-государственных отношений становятся объектами ожесточенной полемики.

При этом одни рассматривают Заместителя Патриаршего Местоблюстителя как мудрого и дальновидного политика, сумевшего в тяжелейшей обстановке сохранить административную структуру Церкви, чистоту веры и каноническую безупречность, преемственность высшей церковной власти. Другие клеймят его едва ли не предателем и вероотступником, подчинившим (из корысти или по малодушию) церковную жизнь России влиянию богоборческого советского государства.

К сожалению, нынче полемический, мятежный дух спорливости и сомнений зачастую берет верх не только над исторической истиной, но и над элементарным здравым смыслом.

лом, мешая спокойному и беспристрастному рассмотрению дела. Нам же в условиях нынешней русской смуты как никогда важно перевести все внутрицерковные дискуссии в конструктивное, немятежное русло, взыскав в спорах не словесной победы над оппонентами, но обретения достоверности и правды Божией.

В связи с этим мне кажется, что моя работа, посвященная церковным расколам 20–30-х годов и написанная три десятилетия назад (она в качестве магистерской диссертации была представлена в Московскую Духовную Академию в 1966 году) не только не потеряла сегодня своей актуальности, но, наоборот, приобрела дополнительный интерес для всякого, кому небезразличны судьбы русского Православия.

Время выхода работы и особенности церковной жизни того времени наложили свой неизбежный отпечаток на первоначальный текст исследования, форму подачи материалов и тон комментариев. Конечно, не могло быть и речи об упоминании антицерковных зверств ВЧК – ГПУ – НКВД, расстрелов архиереев и священников, глумлений палачей и всенародном исповедничестве, давшем Руси сонмы новомучеников и страстотерпцев. Была исключена всякая возможность сочувственных отзывов о тех, кого официальная пропаганда клеймила как «реакционеров» и «мракобесов», «врагов первого в мире государства рабочих и крестьян».

Любая – даже самая лояльная и безобидная – работа в области церковной истории выходила с трудом. Тогда я рассу-

дил, что преимущества появления исторического исследования по этой теме перевешивают все неизбежные недостатки, связанные с «запретными зонами», и выпустил работу в свет, надеясь, что искушенный читатель многое сумеет прочесть между строк. Сегодня я вижу, что оказался прав в своих надеждах.

Тем не менее, когда возникла необходимость очередного переиздания книги, я счел своим долгом восстановить историческую справедливость и назвать своими именами те гонения и репрессии, которым подвергались равно клирики и миряне Русской Православной Церкви. Кроме того, мне показалось нелишним отредактировать старый текст, несколько популяризовав стиль научной работы тридцатилетней давности, сделав его более доступным для читателей.

Ни в коем случае не претендуя на роль непогрешимого судьи, я все же надеюсь, что эта книга сможет внести некоторую ясность в проблематику «сергианства». Но окончательное решение сего больного вопроса следует, как мне кажется, предоставить времени, Божьему суду и грядущему Поместному Собору, который – буде на то воля Божия – сумеет окончательно ликвидировать в церковной жизни последствия семидесятилетнего богоборческого пленения России.

Поражу пастыря, и рассеются овцы

Положение русской церкви после смерти патриарха Тихона

Патриарх Тихон скончался на Благовещение – 25 марта ст. ст. 1925 года. Согласно его завещанию бразды церковного управления принял Крутицкий митрополит Петр (Полянский). Началась новая страница в жизни Русской Православной Церкви.

Политическая обстановка в этот период далеко не благоприятствовала сохранению церковного мира. Прежде всего, Патриаршая Церковь продолжала находиться в большевистском государстве буквально «вне закона» и потому не могла устроить свою жизнь нормально, как того требовала церковно-административная традиция. Сессии Священного Синода, предусмотренные апостольскими правилами, не созывались вообще. Управление Церковью совершалось хотя и на основе соборных постановлений, но единолично Патриаршим Местоблюстителем. Правители-богоборцы медленно, но верно вбивали клин внешней разобщенности между высшей церковной властью и российским епископатом.

При таком положении невозможно было наладить нормальную жизнь в епархиях и на приходах. На местах каждый епископ действовал в делах епархиального управления

по своему личному усмотрению; самостоятельно определяли архиереи и свое отношение к новому для Руси государственному строю.

Нормализовать церковную жизнь мог только Поместный Собор. Только он имел право восстановить высшее церковное управление в лице Патриарха и Синода. Но созвать Собор в те мятежные дни не представлялось никакой возможности. Для этого требовалось прежде всего легализовать Церковь. Бесправное положение Патриаршей Церкви усугубляли вожди обновленческого раскола. Они прилагали все усилия, чтобы разрушить единство церковного организма и перехватить инициативу у законной иерархии. Уже через три дня после кончины Патриарха Тихона обновленческий «Священный Синод» обратился с посланием ко всем архипастырям, пастырям и верным чадам Православной Церкви с призывом объединиться вокруг их «Синода» и общими усилиями готовиться к «третьему поместному собору»¹. Это была пробная пропагандистская волна, направленная на Патриаршую Церковь, чтобы определить ее мощь и степень единства. Следующим наступательным шагом стал второй поместный Всеукраинский собор, состоявшийся в Харькове во второй половине 1925 года. Признав многие постановления обновленческого «собора» 1923 года, он принял решения, направленные на борьбу с «тихоновщиной»².

¹ Вестник Священного Синода Российской Церкви, 1925 г., № 2, с. 2.

² Вестник Священного Синода Российской Церкви, 1925 г., № 4, с. 9.

Обновленчество объединялось. Теперь уже не только центр и север России, но и юг Украины встал на путь противоборства главным устоям Православной Церкви.

Обновленческий «Синод», опираясь на поддержку властей, усиленно готовился ко Всероссийскому собору, назначенному им на октябрь 1925 года. Раскольники возлагали большие надежды на то, что деморализованный «тихоновский» епископат примет участие в деяниях их «собора» в борьбе за церковное управление и наступит, наконец, решительный перелом в пользу «обновленной церкви». Однако их надеждам не суждено было оправдаться. Где только ни побывала «синодальная» делегация, к какому бы православному епископу ни обратилась – всюду она встречала отказ. Даже те архиереи, на которых обновленцы рассчитывали больше всего (в их число раскольники включали и Нижегородского митрополита Сергия), продемонстрировали свою полную непримиримость к делу обновленческого «Синода»³.

О том, что какое-то время митр. Сергий являлся одним из участников обновленческого движения, писалось много. Но факт покаяния этого архиерея противники «сергианства» обходят, как правило, молчанием. А между тем Патриарх Тихон принимал от него покаяние не сокровенным образом, как у иных заблудших, а потребовал публичного акта отречения от заблуждения. Вот как описывает это событие

³ Вестник Священного Синода Российской Церкви, 1926 г., № 7, с. 5–6.

митр. Мануил: «На первый взгляд для знатоков истории обновленческого раскола стало бы непонятным, почему Патриарх Тихон, олицетворение любви безграничной и милости бесконечной, применил такие строгие меры к этому старцу, когда других отпадавших в обновленчество принимал в своей келии и келейно прощал содеянный грех. Конечно, он поступил правильно. Ведь недаром говорится, что «большому кораблю – большое плавание». А он (митр. Сергей. – *Авт.*) был кормчим большого корабля, он был «ума палата», он был иерарх выдающийся, а не посредственный...

Поэтому Святейший Тихон и обставил чин покаяния и приема митрополита Сергея в соответствующей величественной обстановке, давившей на его неложное смирение и сокрушение сердечное.

И вот, этот отец всех чаяний русской современной богословской мысли... стоит на амвоне, лишенный моментом покаяния и архиерейской мантии, и клобука, и панагии, и креста... Кланяется низко Святейшему Тихону, восседавшему на кафедре, в сознании своего полного уничтожения и признанной им вины приносит он дрожащим от волнения, на этот раз негромким голосом свое покаяние. Он припадает до пола и в сопровождении патриарших иподиаконов и архидиаконов тихо сходит с солеи и приближается к вершителю его судьбы, к кроткому и всепрощающему Святейшему Тихону. Снова земной поклон. Постепенно вручаются ему из рук Святейшего панагия с крестом, белый клобук, мантия

и посох. Патриарх Тихон в немногих словах тепло, со слезами, приветствует своего собрата во Христе взаимным лобзанием, и, прерванное чином покаяния, чтение часов возобновляется.

Все тяжелые переживания стыда и муки раскаяния остаются отныне позади. Митрополит Сергей соучаствует в сослужении с Патриархом Тихоном за Божественной всепримиряющей литургией...»

Отказ православных епископов от участия в намечавшемся «соборе» обновленцы расценили как нежелание «тихоновцев» идти на примирение. А это, в свою очередь, послужило для них основанием начать кампанию политической травли православных архиереев. Их объявили врагами государственной власти, стремящихся «навязать Церкви политическую роль охранительницы монархического начала, тайного оплота реакционных государственно-политических вождедений»⁴.

Обновленческий «собор» все же состоялся. Он заседал с 1 по 10 октября 1925 года и вынес следующее определение в адрес православной иерархии:

«...6. Признавая подобные стремления навязать Церкви несвойственную ей политическую роль, противоречащую ее христианским задачам и религиозной сущности, и считая преступными непрекращающиеся попытки тихоновской иерархии ввергнуть Церковь вновь в водоворот полити-

⁴ Вестник Священного Синода Российской Церкви, 1926 г., № 6, с. 13–14.

ческой борьбы, в коем уже, однажды, при Тихоне, едва не погибла наша Церковь, Св. Собор считает своим долгом обратить внимание верующих на те грозные последствия, к которым может привести подобная политическая деятельность заправил так называемой тихоновины, и выявить пред всем церковным народом истинный смысл непримиримости, обнаруживаемой тихоновской иерархией.

7. Со своей стороны, Св. Собор, считая исчерпанными все меры церковного убеждения, приходит к сознанию, что всякие дальнейшие призывы, обращенные к тихоновской иерархии, бесполезны, пока она не откажется от своей политической деятельности и не вернется к христианскому пониманию церковного долга». [Здесь и далее документы приведены в соответствии с современной орфографией и пунктуацией.]

Итак, обновленцы призвали своих последователей больше не вступать в дискуссии с православными, а разоблачать их якобы преступную политическую деятельность. Таким образом Русская Православная Церковь оказалась лицом к лицу с бессовестным противником, постаравшимся бросить на ее иерархов тень политической неблагонадежности.

Первым, кто подвергся «разоблачению» и нападкам обновленцев, был Патриарший Местоблюститель митр. Петр. Обновленцы «обличали» его в связях с заграничными монархистами, представляли «черносотенцем» и «врагом советской власти». Проще сказать, главу Патриаршей Церк-

ви, как и других епископов, обновленцы в своих доносах без устали обвиняли в политических преступлениях, чем не замедлили воспользоваться богоборческие власти. В самом скором времени митр. Петр и ряд других архиереев были арестованы.

Тогда-то, согласно воле владыки Петра, осужденного гражданскими властями и лишенного таким образом возможности руководить Церковью, к исполнению обязанностей Патриаршего Местоблюстителя приступил Нижегородский митрополит Сергей.

Высокопреосвященнейший Сергей (в миру Иван Николаевич Страгородский) родился 12 января ст. ст. 1867 года в семье арзамасского священника. По окончании училища и семинарии он поступил волонтером в Петербургскую духовную академию и там, воспламенившись внутренним желанием стать иноком, 30 января 1890 года принял постриг (с именем Сергия, в честь преподобного Сергия Валаамского, чудотворца). Спустя немного времени он был рукоположен во иеромонаха.

Блестяще окончив академию со степенью кандидата богословия, иеромонах Сергей был направлен в Японию для служения в православной миссии. Там он прожил три года, после чего был переведен сначала исполняющим обязанности доцента на кафедре Священного Писания Ветхого Завета в Петербургскую, а затем инспектором в Московскую духовные академии.

Далее его пастырский путь складывался следующим образом: 1894 год – назначен настоятелем Русской посольской церкви в Афинах с возведением в сан архимандрита. 1895 год – защитил магистерскую диссертацию. 1897–1899 годы – служба помощником начальника православной духовной миссии в Японии. 1899 год – назначение ректором Петербургской духовной семинарии, а затем инспектором Петербургской духовной академии. 1901 год – назначение ректором той же академии и хиротонисание во епископа Ямбургского, третьего викария Петербургской епархии, с оставлением в прежней должности. 1905 год – назначение архиепископом Финляндским и Выборгским. 1924 год – определен митрополитом Нижегородским и Арзамасским. И, наконец, 1925 год – вступление в управление Русской Церковью в качестве исполняющего обязанности Патриаршего Местоблюстителя (Заместителя).

Уже первые шаги его правления были омрачены возникновением так называемого правого иерархического течения, которое возглавил архиепископ Свердловский Григорий. Его представители образовали Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС), или григорианский «Синод». Это был первый, но далеко не последний клин, вбиваемый в церковный организм, переданный, волею Божией, на окормление митр. Сергию.

Сущность григорианского раскола заключалась в том, что его представители не пожелали признать канонической

власти ни за митр. Сергием, ни за митр. Петром, хотя сами григориане насильственным образом присвоили себе первоиерархические права церковного руководства, признав свой ВВЦС единственно правомочным органом управления Русской Православной Церковью. История, однако, показала всю каноническую несостоятельность их притязаний, и на протяжении своего десятилетнего существования григориане не столько создавали собственный церковный дом, сколько всеми силами старались удержать его от неизбежного падения.

Появление ВВЦС обновленцы расценили как начало дробления Патриаршей Церкви и распад единства тихоновской иерархии. Все это всецело отвечало их чаяниям. А вскоре, к вящей радости обновленческих лидеров, церковное единство было нарушено новым потрясением. В 1927 году начали раскольническую деятельность последователи митрополитов Иосифа и Виктора. Эти архиереи, отвергнув взятый митр. Сергием новый курс церковной политики, усмотрели в его действиях измену Православию и подчинение Божьего кесарева.

С появлением новых расколов добавились и новые страдания в жизни верующих. Теперь недра Русской Православной Церкви терзали уже не чужие, а свои – те, кто считал себя ревнителями Православия, хотя в действительности эта ревность была не чем иным, как «обольщением, по преданию человеческому, а не по Христу» (Кол. 2:8).

Церковь явно стояла на краю пропасти. С одной стороны, ее теснило обновленчество, с другой – не давали покоя григориане, викториане и иосифляне. Единство церковное дробилось все больше и больше. Опасность ситуации усугубилась, когда в начале 1928 года от митр. Сергия отделился митр. Агафангел, образовавший со своими викариями так называемую «Ярославскую церковную область».

Добавила горечи и смятения в умы верующих также позиция некоторых православных епископов, которые, не примыкая ни к одному из появившихся расколов, старались в то же время обособиться и от митр. Сергия. К ним принадлежали архиереи так называемых «даниловского» и «мечовского» уклонов.

Усомнившись в каноничности действий Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, прервал с ним молитвенно-каноническое общение такой видный иерарх, как митр. Кирилл. Будучи ревнителем единоличной власти, он усмотрел в образовании Временного Патриаршего Синода угрозу патриаршеству и потому отошел от митр. Сергия.

Оппозиция митр. Кирилла явилась как бы последним звеном в цепи всех возникавших ранее расколов. Если впоследствии и появлялись небольшие волнения в Церкви, то они носили кратковременный характер и большой опасности для церковного единства не представляли.

Как же действовал в такой безотрадной, мятежной обстановке Заместитель Патриаршего Местоблюстителя?

Как и следовало первоиерарху – терпеливо, с глубоким пониманием всей ответственности, которая возлагалась на него перед Богом и людьми за вверенную ему Церковь и ее единство.

Первое, что он посчитал необходимым предпринять в деле умиротворения паствы, – это установление нормальных отношений между Церковью и государством⁵. Митр. Сергей приложил все усилия, чтобы легализовать Церковь и получить право на свободное устройство церковной жизни в новых для нее условиях.

Задача была не из легких. Главное препятствие заключалось в том, что далеко не все верующие (как в среде епископата, так и среди пресвитеров и мирян) понимали насущную необходимость в легализации. Многие расценивали это как измену Православию и уклонение от истины. Не умея правильно решить, в каких условиях: правовых или бесправных – надежнее сохранится внешняя и внутренняя жизнь Церкви среди богоборческих мероприятий новой власти, они недоверчиво, а то и агрессивно относились к действиям Заместителя в этом направлении.

Но митр. Сергей смело вступил на путь легализации. Он предвидел, что в бесправном положении Русская Церковь долго существовать не сможет – ее либо растерзают богоборческие власти и их приспешники-обновленцы, либо,

⁵ Патриарх Сергей и его духовное наследство. Изд. Московской Патриархии, 1947 г., с. 273.

уйдя в катакомбы, она рано или поздно потеряет свое апостольское преемство и чистоту вероучения, превратившись в сектантское сообщество...

Когда была выполнена первая задача, возникла необходимость решить другой не менее важный вопрос – сохранить в неизблемости преемственно-каноническую структуру высшего церковного управления и тем самым предохранить Церковь от дальнейшего распада, вносимого в нее оппозиционными группировками. И тут первенствующий митрополит непосредственно столкнулся со всякого рода раскольниками и самочинниками, претендовавшими на руководящую роль в Церкви⁶.

В этом нелегком деле также проявились его лучшие качества. Была какая-то особая тактика в его противостоянии оппозиционерам: он вроде бы и не вел с ними шумной, решительной борьбы, но, однако, не оставался и равнодушным. Владыка Сергей не жалел времени для увещевания вождей расколов и только со временем, убедившись в их нераскаянности, применял строгие меры – запрещал в священнослужении и лишал кафедр. После таких действий митрополит в особые дискуссии с раскольниками уже не входил, выжидая, пока время само не обнажит всю несостоятельность их позиций.

И такая политика полностью себя оправдала. Русская

⁶ Патриарх Сергей и его духовное наследство. Изд. Московской Патриархии, 1947 г., с. 40.

Православная Церковь, управляемая митр. Сергием, сохранила свою жизнеспособность, в то время как все отколовшиеся от нее группировки потерпели крушение и погибли в волнах житейского моря. В этом и заключается величайшая заслуга митрополита, который, как опытный кормчий, обошел все подводные камни, грозившие гибелью церковному кораблю, и сильной рукой провел его сквозь штормы и ветры к надежному причалу.

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых (Григорианство)

1. История возникновения раскола

Первым среди мятежных иерархов Русской Православной Церкви возвысил свой голос против митрополита Сергия архиепископ Екатеринбургский Григорий (Яцковский). Это был иерарх, дотоле ничем особенным не выделявшийся в среде российского епископата.

Его мирское имя – Гавриил. Как он сам вспоминал в день своего наречения во епископа, его рождение (13 июля ст. ст. 1866 года) сопровождалось обетом матери: если у нее родится сын, то она посвятит его на служение Богу⁷. Это материнское обещание Гавриил Яцковский исполнил после окончания духовной семинарии, поступив в обитель преподобных Антония и Феодосия Печерских и приняв в 1890 году иноческий постриг с именем Григория.

В том же году новонаначальный монах поступил в число студентов Казанской духовной академии, где был руко-

⁷ Прибавление к «Церковным ведомостям». 1908 г., № 48, с. 2350.

положен сначала в иеродиакона, а по окончании полного курса – в иеромонаха. Получив степень кандидата богословия, он преподавал в Александровском Осетинском училище и Томской духовной семинарии, служил инспектором Иркутской и ректором Томской духовных семинарий.

21 ноября 1897 года, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы, он был возведен в сан архимандрита. В следующем году, по ходатайству еп. Тамбовского и Шацкого Иннокентия (Беляева), был избран епископом Козловским, викарием Тамбовской епархии. 18 ноября состоялось его наречение, а 21 ноября в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры была совершена хиротония.

Четыре года прослужил еп. Григорий в Тамбове, затем был переведен епископом Бакинским, викарием Грузинской епархии, а с 1918 года возглавил Екатеринбургскую епархию. В сан архиепископа екатеринбургский владыка был возведен в 1922 году.

Что же побудило архиеп. Григория встать на путь разделения?

Одной из причин, несомненно, явилась сложная церковная обстановка того времени, в которой было нелегко разобраться даже куда более опытным духовным людям. Однако не последнюю роль сыграло здесь и личное отношение архиепископа к Патриаршему Местоблюстителю и высшей церковной власти вообще. Из документов, которыми мы располагаем, видно, что екатеринбургский архиерей был не слиш-

ком благосклонен к митр. Петру, считая, что тот нарушил соборное начало в церковном управлении. Например, в послании ко всем верным Святой Православной Церкви он утверждал, что «ведомая лишь личною волею митрополита Петра, она (Церковь — *авт.*) как бы вернулась к самым темным временам своего бытия. Вся воля Святой Церкви как бы затмилась единою человеческою волею»⁸.

События церковной жизни как будто бы благоприятствовали утверждению взглядов мятежного архиепископа. 15 ноября 1925 года в «Известиях ЦИК» № 261 (2594) была опубликована статья некоего Теляковского «Среди церковников», в которой автор обвинял митр. Петра и всех общающихся с ним в контрреволюционности и черносотенстве. Статья заканчивалась такими словами: «В огромной степени от самого Петра Крутицкого зависит опровергнуть все эти подозрения. И в столь же большой степени от самих церковников зависит раз и навсегда положить конец черносотенным интригам и контрреволюционным махинациям тех лиц, которые направляют церковную жизнь».

Словно согласившись с атеистическим корреспондентом в выводах и, очевидно, желая показать себя «печальником Церкви», архиеп. Григорий вместе с епископами Можайским Борисом (Рукиным) и Каменским Иннокентием (Бусыгиным) поехал к Патриаршему Местоблюстителю, умоляя

⁸ Православный церковный календарь на 1927 г. под редакцией архиеп. Григория. Изд. Е. Н. Львова, с. 25.

его ответить на выдвинутые против него в газете обвинения, а также собрать архиереев, находящихся в Москве, для обсуждения церковных дел. Митр. Петр сначала решительно отверг это предложение, указав, что он сам отвечает за Церковь и что собрание архиереев не только не поможет, но скорее повредит делу. Но визитеры настаивали на том, что голос всех епископов убедительнее голоса одного архипастыря, и Патриарший Местоблюститель был вынужден согласиться и обещал составить и обнародовать декларацию. Однако выполнить своего обещания митр. Петр уже не успел. Предчувствуя скорый арест, 6 декабря 1925 года он издал акт о временной передаче обязанностей Патриаршего Местоблюстителя:

«В случае невозможности по каким-либо обстоятельствам отправлять мне обязанности Патриаршего Местоблюстителя, временно поручаю исполнение таковых обязанностей Высокопреосвященнейшему Сергию, митрополиту Нижегородскому. Если сему митрополиту не представится возможным осуществить это, то будет... Экзарх Украины Высокопреосвященный митр. Михаил, а если он будет лишен возможности..., то Высокопреосвященный Иосиф, архиепископ Ростовский. Возношение за Богослужениями моего имени, как Патриаршего Местоблюстителя, остается обязательным»⁹.

⁹ Митр. Елевферий. Соборность Церкви. Божие и кесарево. Париж, 1938, с. 196–197.

Акт был запечатан в конверт и положен в сокровенное место – до времени. И уже через три дня, 10 декабря 1925 года, митрополит Петр был арестован.

Согласно его воле, временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя возложил на себя митр. Сергей (Страгородский). Это была первая каноническая преграда, с которой встретился архиеп. Григорий на пути создания Временного Высшего Церковного Совета (ВВЦС).

Почему архиепископ так жаждал создания синодального управления? Судя по всему, он не сочувствовал восстановленному на Руси патриаршеству и не желал признавать централизованного управления, сосредоточенного в одном лице. Синодальное, или коллегиальное управление казалось ему более целесообразным и правомочным. Правда, он не позволял себе прямых выпадов ни против Патриарха Тихона, ни против митр. Петра, но только лишь потому, что Патриарха избрал Поместный Русский Собор, а Патриаршего Заместителя утвердил сонм иерархов, присутствовавших на погребении Патриарха (что архиеп. Григорий признавал как соборное решение). Однако единоличные указания митр. Петра он воспринял как попрание церковной воли и возвращение Церкви к самым мрачным временам ее бытия. Решив для себя, что синодальное управление будет более полезным в современных условиях, архиеп. Григорий решил предпринять меры, способствующие, по его мнению, восстановлению коллегиального управления.

Его намерения явно диссонировали с 34-м апостольским правилом, которое гласит: «Епископам всякого народа подобает знати первого в них, и признавать его яко главу, и ничего превышающего их власть не творити без его рассуждения, творити же каждому только то, что касается до епархии и до мест к ней принадлежащих». Однако, оправдывая свои действия, архиеп. Григорий рассуждал следующим образом: «Попечение об общих делах Церкви возложено на всех епископов и на каждого в отдельности, так что каждый из епископов при случае может присвоить себе распоряжение общими делами»¹⁰.

Надлежащий случай, как ему виделось, представился именно теперь, когда соборность, уже нарушенная единоличным управлением митр. Петра, была предана им на «дальнейшее поправление» Заместителю. Согласно такой логике, осталось только на деле применить полномочия, возложенные Церковью на каждого епископа, взять на себя «распоряжение общими делами» и восстановить соборное управление.

Однако в своих умозаключениях архиеп. Григорий не учел главного – канонических (хотя и временных) прав митрополита Сергия и, безусловно, полноценных прав самого Патриаршего Местоблюстителя. Даже будучи арестованным, а значит, отстраненным от непосредственного управления Церковью, митр. Петр тем не менее не оставлял своих

¹⁰ Письмо митр. Сергия к митр. Кириллу от 5 (18).09.1929. Арх. 1, с. 19.

полномочий, и, в силу этого, полномочия митр. Сергия имели ту же самую силу канонического авторитета, что и действия митр. Петра. Признавать этот факт архиеп. Григорий просто не желал. Навязчивая идея самолично восстановить соборность лишала его способности здраво оценивать ситуацию.

Примечательно, что начиная свою оппозиционную деятельность с отрицания за митр. Петром канонических прав единолично передавать власть кому бы то ни было, впоследствии (в целях поддержания своего авторитета) он был вынужден признать таковые права и отправляться в своих действиях на основании именно этих правомочий.

Итак, восхитив себе право распоряжения общими делами Церкви, архиеп. Григорий приступил к осуществлению своих намерений. Это ему скоро удалось, ибо в критическом отношении к церковному устройству он, к сожалению, был не одинок. Пока он разрабатывал планы будущей «коллегии», в Москве подобной деятельностью занимались епископы Можайский Борис (Рукин), Переяславский Дамиан (Воскресенский), Ульяновский Виссарион (Зорин), Каменский Иннокентий (Бусыгин) и другие. Эту группу архиереев еще до ареста Патриаршего Местоблюстителя «обработал» народный комиссар по делам религий Е. Тучков, кровно заинтересованный в создании расколов в Патриаршей Церкви изнутри¹¹. С этой-то группой и сошелся архиеп. Григорий.

¹¹ М. Польский. Новомученики Российские, т. 1, с. 138.

Время для осуществления их общих планов было выбрано как нельзя более удачно: митрополит Петр арестован, о вступлении в его обязанности митр. Сергия на местах еще только начали узнавать. В таких условиях от григориан требовались лишь решительность и оперативность.

Оппозиционеры собрались на общее совещание. Надо было определить: кто возьмет на себя инициативу по учреждению малого собора архиереев и возбудит ходатайство перед гражданской властью о дозволении собрать епископов. Поскольку ни Местоблюстителя, ни членов Синода нет, размышляли они, то инициативу должен взять на себя либо старейший по хиротонии архиерей, либо старший викарий Московской епархии.

Старейшим иерархом собравшиеся признали митрополита Киевского Михаила (Ермакова), хиротонисанного в 1899 году. Однако тот отказался принять какое-либо участие в подобном деле¹². В сложившейся ситуации они должны были бы обратиться к митр. Сергию (Страгородскому) – как старейшему после митр. Михаила архиерею, однако раскольники почему-то признали старшим самого архиеп. Григория (Яцковского), хиротонисанного на семь лет позднее митр. Сергия, а старшим викарием Московской епархии – еп. Бориса (Рукина). Они-то и обратились к правительству с просьбой дозволить им созвать епископов и получили бес-

¹² Еп. Борис (Рукин). О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви. М., 1927, с. 4.

препятственное разрешение.

После этого архиеп. Григорий и еп. Борис оповестили архиереев (хотя и не всех). По их зову в Москву приехали лишь десять человек. Остальные либо отказались от участия в самочинном совете¹³, либо не были поставлены в известность¹⁴.

¹³ Православный церковный календарь на 1927 г. под ред. архиеп. Григория. Изд. Е. Н. Львова, с. 23.

¹⁴ 9 Православный церковный календарь на 1927 г. под ред. архиеп. Григория. Изд. Е. Н. Львова, с. 27.

2. Создание ВВЦС

Утром 9(22) декабря 1925 года десять прибывших епископов пришли в Донской монастырь, совершили панихиду на могиле Святейшего Патриарха Тихона и затем открыли совещание. С особым докладом о современном положении Русской Православной Церкви выступил еп. Борис (Рукин). Он нарисовал весьма мрачную картину, возникновению которой, как он сообщил, способствовали ошибки Патриарха Тихона, вмешательство обновленчества и, наконец, единоличное управление митр. Петра. В таком состоянии, заключил докладчик, Церковь долее оставаться не может и, следовательно, необходимо учредить временный церковный совет (как выразитель соборности), призванный заниматься текущими делами и вести подготовку к созыву поместного собора.

Обсудив вопросы организации и полномочий создаваемого органа, собравшиеся единогласно решили создать из присутствующих архиереев Временный Высший Церковный Совет ради восстановления «попранных прав соборности»¹⁵.

Новоявленный Совет возглавил архиеп. Григорий. Кроме него в Малый Собор Епископов вошли еще шесть архиереев: бывший Могилевский архиепископ Константин и епископы

¹⁵ Объяснительная записка к посланию от 12.05.1927. Малого Собора Епископов, с. 6.

Можайский Борис (Рукин), Симбирский Виссарион (Зорин), Переяславский Дамиан (Воскресенский), Каменский Иннокентий (Бусыгин) и Усть-Медведицкий Тихон (Русинов).

Какими полномочиями наделили собравшиеся свой Совет, можно узнать из выработанного ими Наказа:

«1. Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС) является временным органом церковного управления Российской Православной Церкви и находится в каноническом и молитвенном общении с Патриаршим Местоблюстителем.

2. ВВЦС ведает всеми церковными делами православных приходов по всей территории СССР, с согласия Правительства оною.

3. ВВЦС ведет дела вероучения, богослужения, церковного просвещения, управления и дисциплины, согласно Слову Божию и церковным канонам.

4. ВВЦС ближайшей своей задачей имеет подготовку канонически-правильного Собора Российской Православной Церкви в ближайшие месяцы (не позднее лета 1926 г.), в составе епископов, клириков и мирян.

5. ВВЦС имеет попечение о своевременном замещении архиерейских епархиальных кафедр и о пребывании архиереев в пределах их епархий.

6. ВВЦС обращается ко всей Российской Православной Церкви с учительными посланиями и с пастырскими воззваниями и заботится об установлении общения с православными Восточными Патриархами.

7. Имея долг печалования перед Государственной властью, ВВЦС возбуждает, где следует, ходатайства по делам Церкви.

8. ВВЦС отчетом о своей деятельности обязан Собору и занимается текущими делами впредь до избрания Собором нового церковного управления.

9. ВВЦС может кооптировать в нужных случаях в свой состав представителей духовенства и мирян.

Архиеп. Григорий Екатеринбургский; Дамиан, еп. Переяславский; архиеп. Константин; Виссарион, еп. Ульяновский; Тихон, еп. Усть-Медведицкий; Борис, еп. Можайский; еп. Вассиан; Иннокентий еп. Каменский; Митрофан, еп. Уразовский; еп. Иоанникий»¹⁶.

Таким образом, по замыслу григориан, ВВЦС был должен заведовать всеми церковными делами на всей территории страны.

Помимо Наказа, ВВЦС выработал текст послания ко всем верным чадам Святой Православной Церкви:

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами» (Флп. 4:23).

Пророк Божий Исаия, изображая состояние современного ему мира, пишет: *«Мятежом возмывается земля и скудостью оскудеет земля. Преклонися и потрясися земля, аки овощное хранилище и аки пьян и шумен падет и не возмо-*

¹⁶ Православный церковный календарь на 1927 год под ред. архиеп. Григория, с. 26.

жет возстати, преодолеть же на ней беззаконие» (Ис. 24:19–20).

Жизнь течет, и умножаются отбросы жизни – сор ее и, как рачительный хозяин от времени до времени пересматривает свое хозяйство, очищает грязь и вытряхивает пыль, так и Творец и Промыслитель наш Господь от времени до времени потрясает землю и живущие на ней народы, очищая их от грехов их, кои суть отбросы и сор жизни.

В сознании этой истины верующие пастыри и пасомые в самом начале революции собрались на церковный Собор в 1917 г. с тем, чтобы упорядочить жизнь церковную. С тою же целью они возглавили Русскую Церковь Святейшим Патриархом Тихоном.

Но суетны сынове человечества, и деяние их оказалось не концом, а лишь началом болезни. Патриарх Тихон был человек, и как человек не мог не ошибаться, особенно среди бурного течения революции. Естественно было искать исправления ошибок.

Но исправление оказалось хуже самих ошибок. За исправление взялись люди с нечистыми руками и с нечистым сердцем и повели Церковь по строптивым, нечистым путям, чем оттолкнули от себя и своего дела верующий народ и вынудили Патриарха Тихона взять в свои руки кормило церковного правления. Непосильные труды и чрезмерная ответственность истощили жизненные силы Святейшего Патриарха и преждевременно свели его в могилу. Чувствуя при-

ближение кончины и предвидя невозможность канонического избрания себе преемника. Патриарх Тихон назначил Местоблюстителем патриаршей кафедры митрополитов Казанского Кирилла, Ярославского Агафангела и Крутицкого Петра. Собрание православных епископов, участвовавших в погребении почившего Первосвященителя, за отсутствием двух первых, вручило права Патриаршего Местоблюстителя Митрополиту Крутицкому Петру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.